

О.Н. Побединская

Проблема идеального и онтогносеология в философии М.А. Лифшица

В статье освещается подход философа М.А. Лифшица к решению проблемы идеального и раскрываются его онтогносеологические взгляды.

Ключевые слова: идеальное; онтогносеология; теория тождества; классика; теория отражения; сознание.

Советская эпоха породила много приверженцев марксистской мысли, но лишь немногие из них смогли понять ее не в духе идеологии, а как истинно философское мышление. Среди имен такого меньшинства находится и имя М.А. Лифшица. Его философское наследие противостоит заурядности «философии» идеологических марксистов и отличается широтой и свободой в постановке и решении поставленных в нем проблем. Идеи Лифшица будут интересны культурологам, социальным философам и другим специалистам. Мы же хотим обратить внимание на те из них, которые входят в разряд специфически философских идей — идей онтологического и гносеологического характера.

Важная проблема, которой вплотную занимался Лифшиц, была проблема идеального. Эта проблема на протяжении всей истории философии находила свои решения в различных концепциях, то составляя их суть, то отодвигаясь ими на периферию. Материализм в этих концепциях занимает особое место. Определяя ключевым моментом своей философии материю, идеальному он отводил подчиненную и подчас скромную роль. В современном материализме остались, и первичность материальной сущности, и подчиненность сущности духовной, а вот характер ее роли изменился, и важный шаг в этом направлении сделал другой выдающийся философ советской эпохи и тоже «свободный» марксист — Э.В. Ильенков. Полемизируя с ним в неоконченной работе под заглавием «Диалог с Эвальдом Ильенковым. (Проблема идеального)», Лифшиц раскрывает свои собственные взгляды относительно идеального.

Лифшиц признавал большой вклад Ильенкова в теорию современного материализма. Ильенкову удавалось решать онтологические и гносеологические задачи в русле диалектического метода, обосновать необходимость для истинного материализма категории идеального. Лифшиц поддерживал Ильенкова в критике тех, кто пытался сводить сознание к физиологическим процессам. Вместе с Ильенковым он разделял и понятие о всеобщем в духе Гегеля и Маркса [5: с. 18, 34–35, 178–180]. И всё же некоторые ильенковские мысли вызывали у Лифшица идейный конфликт.

Так, Ильенкову импонировала Спинозовская мысль о том, что в лице человека мыслит сама природа. Лифшиц считал, что в целом мысль верна, но слишком абстрактна. Такая абстрактность стирает разницу между мыслящим телом и другим телом, которое оно мыслит. Вместе они представляют собой одну и ту же вещь, выраженную двумя разными способами, и, следуя далее логике Спинозы, не способны друг друга определять, другими словами, между ними отсутствует причинно-следственная связь. Между тем еще писатели XVIII века, разрабатывая проблему причинно-следственной связи между телом и духом, приводили примеры в пользу этой связи. Кроме того, надо четко понимать, что природа мыслит себя только в целом, т.к. в частном случае, например, стул мыслить себя не может, он может только быть мыслимым человеком [5: с. 121–123].

Лифшица также не удовлетворяла попытка Ильенкова объяснить логическую природу сознания как универсального способа действия, способного двигаться по контуру других тел. Если это действие материальное, то оно принадлежит физическому миру, если его универсальность — способность сознания отражать бесконечность мира, то их встреча, по словам Лифшица, решает проблему ровно настолько, насколько шишковидная железа Декарта объясняла встречу двух субстанций [5: с. 127]. Кроме этого, Лифшиц обнаруживает у Ильенкова две противоречащие друг другу мысли в трактовке идеального. С одной стороны идеальное — это то, что существует объективно и независимо от человеческого сознания, с другой стороны, оно есть проявление общественного и коллективного, воплощенного в труде и культуре человека (а если конкретнее, то идеальное — это когда одно материальное тело становится символом другого тела, при этом общего в них нет ничего, кроме того, что оба они являются результатами человеческой практики). Получается, что в первом случае Ильенков отвергает всякую причастность идеального к сознанию отдельного человека, а в другом принимает ее, но в лице группы людей. Лифшиц задается вопросом: в чем принципиальная разница между индивидуальным сознанием и сознанием коллективным? [5: с. 199–203].

Далее Ильенков утверждает, что в природе как таковой идеальное не содержится. Лифшиц с этим не согласен. Как человеческий труд тогда вообще способен это идеальное получить, если его нет в природе — основе мироздания? Ильенков приводит следующий аргумент. Например, форма кувшина, появляющаяся в процессе гончарной деятельности, является собой идеальное начало. Эта форма изначально не заложена ни в глине, ни в анатомо-физиологических особенностях гончара. То же можно сказать и о статуе, которая ваяется скульптором из мрамора. Лифшиц на это отвечает: и всё же форма сосуда не чужда глине, из камня, например, такую же форму получить труднее. Также и форма статуи определенным образом определяется куском мрамора. Каждому куску своя статуя [5: с. 244].

Помимо этого два мыслителя расходятся и в определениях сути идеального. «У Лифшица идеальное — это соответствие вещи своей собственной

сущности, самосоответствие (представляющее собой нечто совершенное — мое). У Ильенкова — это соответствие данной вещи сущности совсем другой вещи, вещи иной природы — той, которая в данной вещи представлена, репрезентирована, воплощена. У Ильенкова идеальное — функциональная определенность, у Лифшица — натуральная» [7: с. 112]. В природе можно найти примеры такого совершенства, например идеальный газ или близкий к идеальной форме кристалл. Но здесь важно понимать один момент, на который обращает внимание Л.К. Науменко, сторонник философских идей Э.В. Ильенкова. Он пишет, что если понимать лифшицевское «соответствие вещи своей собственной сущности» узко, замкнуто, то такая идеальность сразу же подвергнется критике, так как в этом случае оценка идеальности той или иной вещи зависит не от соответствия ее собственной внутренней сущности, а от условий, в которых она находится. Так, для скачек идеальной будет скаковая лошадь, а для какого-нибудь кочевника — лошадь Пржевальского. Или коротконосый слон был идеален для древних природных условий, а длинноносый — для сегодняшних. И потом совершенство — это такое состояние равновесия, которое выступает как «логическая схема смерти в масштабе Вселенной и в масштабе человеческой жизни». Другое дело, если смотреть на проблему идеала шире — как соответствие вещи не просто своей сущности, а бесконечной сущности, в которой отражена вся природа. Например, биосфера как «формообразующая сущность» присутствует в каждом организме. Идеал, таким образом, с точки зрения Лифшица — это мера соответствия конечного бесконечному, которое в меньшей степени представлено в неорганических представителях бытия, и в большей — в органических. Максимальное свое проявление оно находит в человеке, ибо именно в нем природа познаёт саму себя. Такую же мысль, по мнению Науменко, содержат и идеальные схемы Ильенкова. Эти схемы принадлежат природе. Они отражены в деятельности людей и вместе с человеком ею «вращены». Здесь, пишет Науменко, логика обоих философов *совпадает* [7: с. 113–114].

Продолжая полемизировать с Ильенковым по поводу идеального, Лифшиц выражает свое несогласие с его рассуждениями о форме стоимости. Ильенков, раскрывая сущность идеального, опирается на труды Маркса. По мнению Лифшица, Ильенков не понял, что именно Маркс понимал под идеальным. Да, последний признавал, что идеальное носит общественный, всеобщий характер, но всякая ли общественная, всеобщая форма идеальна? У Маркса есть два разных понятия для обозначения идеального, которые в русском переводе отождествляются — это *ideelle* и *ideale*. Ильенков их тоже отождествил, хотя это противоречит мысли Маркса. Так, *ideelle* — это продукт внешнего развития общественной формы, отчужденное, не соответствующее истинной сущности реального, продукт развития общественных отношений вообще, а *ideale* — как бы внутреннее, соответствующее подлинной сущности реальности, в которой сокрыто лучшее, небезразличное тем ценностям, которые проповедует человек и которые

уже сокрыты в природе. К первому относится форма стоимости, выраженная, как правило, в деньгах, а ко второму, например, произведения искусства. Форма стоимости у Маркса — это не пример идеального, как думал Ильенков, а отражение человеческих отношений, но таких отношений, которые, увы, не содержат в себе частицу подлинного высокого мира [5: с. 238–250].

Несмотря на все эти критические замечания, Лифшиц и Ильенков были единомышленниками. Они оба выступали за реальность идеального и вопреки оппонентскому протесту развивали эту идею, закладывая основы современного материализма. Работая в данном направлении, Лифшиц предложил ряд новых идей, которые легли в основу так называемой «онтогносеологии». В ней заключены его основные взгляды в отношении онтологической проблематики.

По свидетельству единомышленника и исследователя творчества Лифшица В.Г. Арсланова, Лифшиц занимался разработкой онтогносеологических идей в течение жизни, но к оформлению их в виде системы приступил лишь в последние годы [3: с. 12]. В письме к Г. Лукачу он писал о своих опасениях по поводу того, что возможно наработанный материал «придется оставить в афористической форме», и подобная перспектива в духе ницшеанского подхода его не удовлетворяла [3: с. 12]. Опасения Лифшица не были напрасными. Эта форма не только, по словам самого Лифшица, делала бы его похожим на «марксистского Ницше или Хайдеггера» [3: с. 12], но и, на наш взгляд, не способна передать в своей упрощенной форме всю полноту и сложность тех вопросов, которые он ставит, и тех ответов, которые он на них предлагает.

Дело в том, что онтогносеологическая философия Лифшица дошла до нас даже не в форме афоризмов, а в форме архивных заметок¹, которая исключает развернутое обоснование идей, их детальную проработку и обозначение связей с другими идеями, т. е. все то, что позволяет понять концепцию в ее целостности и с точки зрения отдельных частей в полной мере. Это проявляется в том, что возникают вопросы или по поводу обоснованности того или иного утверждения, или того, как следует понимать и что следует понимать под тем или иным утверждением.

Кроме того, философский поиск — это всегда глубокий аналитический и в то же время творческий процесс, для которого характерны эволюция взглядов, постоянное возникновение предположений и их полное или частичное опровержение или принятие. Для реконструкции его результатов (приведения идей в единую систему) необходимо учитывать множество нюансов: биографию автора, хронологию самих заметок и др. Немаловажным оказывается и понимание того, насколько этот философский поиск был завершен для самого субъекта. И наконец, даже вся совокупность заметок еще не дает полного представления о концепции, так как исследователь неизбежно сталкивается

¹ Небольшая часть этих заметок была опубликована издательством «Искусство XXI век» в 2004 г. под названием «Мих. Лифшиц. Что такое классика?». Составление материала и написание комментариев к нему осуществлено В.Г. Арслановым.

с двумя трудностями. Первая: совокупность частей еще не есть целое как таковое (по своей сути), или, по-другому, целое сводится к своим частям только формально, лишь их определенное соотношение отражает сущность целого. Вторая: выявление этого соотношения связано не только с биографическими, хронологическими и др. нюансами, но и с некоторым x (неизвестным). Лифшиц, если бы сам осуществлял систематизацию своих заметок, мог бы вносить в них определенные изменения — дополнения (вплоть до серьезной детализации изучаемого объекта) или поправки, о которых сторонний наблюдатель знать не может. А те в свою очередь могли бы иначе осветить решения тех или иных отдельных проблем и даже придать иной оттенок концепции в целом, т. е. привести к несколько отличному представлению об онтогносеологии, чем то, к чему способен подвести исследователя не обработанный самим автором архивный материал. Однако в интересах науки если не установить подлинный профиль онтогносеологических взглядов Лифшица, то хотя бы приблизиться к нему, чтобы сделать доступным для развития в дальнейшем содержащихся в нем ценных философских идей. В.Г. Арсланов как раз работает над тем, чтобы философской общественности стала доступна онтогносеология Лифшица как система хотя бы в реконструированной форме. Опираясь на архивные материалы самого Лифшица² и на результаты исследования (выводы, суждения, оценки и т. п.) Арсланова, изложим основные концепты онтогносеологической философии.

Одним из аспектов онтогносеологии выступает «теория тождеств» — новая веха, по мнению Арсланова, в диалектической логике. Лифшиц пытается найти способ конкретного соединения противоположностей, где это соединение будет носить не эклектический характер, а гармонический и позволит зародиться между ними истинно среднему — не усредненному (типа «ни рыба ни мясо»), рождающемуся от какофонического соединения противоположностей и ведущему к «уродливым образованиям», а той середине, которая будет отражать идеал объективного мира — природы, включающей в себя и человека. Подобный идеал Лифшиц назвал классикой. По мнению Лифшица, это гармоничное соединение противоположностей проявляется в феномене «щели», которую находит классика между двумя крайностями и, соединяя их гармонически, извлекает из них качественно новое образование, имеющее абсолютный смысл, соприкасающийся с бесконечностью объективной реальности. Иллюстрирует он этот феномен на эпохе Возрождения. Одни философы и историки считали, что искусство Возрождения возникло благодаря становлению капитализма как наиболее прогрессивному по сравнению с феодализмом, другие — вопреки капитализму, так как Возрождение якобы тяготело к феодальному миру. Лифшиц критикует обе эти точки зрения, считая, что ключевое слово не «благодаря» и не «вопреки», а «между». «Возрождение возникло «между» феодализмом и капитализмом: оно развилось тогда, когда феодализм уже потерял свое могущество, а капитализм еще не обрел

² Материалы опубликованы в книге «Мих. Лифшиц. Что такое классика?» (2004 г.).

его. Другими словами, Возрождение прошло в «щель» между двумя этими общественными формациями» [2: с. 297]. При этом важно понимать, что Возрождение — это не гармония между капитализмом и феодализмом, а новое и отличное от них образование.

Проявлением классики, по мнению Лифшица, является и человек, в котором природа находит свое воплощение. Человек — это особая классика, так как через него она реализует весь свой потенциал, в том числе и идеальный. Здесь, считает Арсланов, наблюдается главное отличие лифшицевского и ильенковского решения вопроса об идеальном. У последнего идеальное присутствует только в человеческом обществе, Лифшиц допускал существование идеального и в природе. Более того, там оно первично, ибо ничто не может возникнуть в этом мире, не имея своих корней в первопричине всего — природе [2: с. 304].

Раскрывая далее сущность человеческого естества как классики природы, Лифшиц утверждает, что человек дает природе возможность дорасти до своего объективного смысла, а если в природе нечто остается непонятным для человека (например, некоторые явления микромира), то это является следствием не скудных познавательных возможностей человека, а того, что сама природа не стала еще понятной для самой себя, «не доросла» до своей классики, какой является наш «средний мир», существующий между микрокосмом и макрокосмом.

Человек — это центр природы. Если следовать логике «теории тождеств», то этому суждению должно противопоставляться другое суждение — отсутствие у природы центра, так как его наличие говорило бы о конечности бесконечной природы, а это противоречие. Ни то ни другое суждение сами по себе не являются верными. Верно лишь среднее между ними — классическое среднее, гармоничное. Сфера природы и сфера человека симфонически соприкасаются друг с другом, «когда бытие становится разумным, а разум — силой реальной и действительной. Самодвижение бытия к своей истине, своему понятию есть процесс естественной истории (включая в себя и историю человечества), а движение разума к действительности — процесс познания. Эти два перекрещивающихся процесса составляют предмет онтогносеологии» [2: с. 305, 308–309]. Здесь они, по мнению Лифшица, онтологически отождествляются и при этом сохраняют своё гносеологическое различие.

В связи с «теорией тождеств» Лифшиц формулирует и соответствующее понимание прогресса. С его точки зрения истинный прогресс — это внутренний³, безусловный прогресс как переход из эмпирического содержания к форме всеобщего — «обретение а ргіогі» (классики), т. е. обретение таких вершин, как «соприкосновений» с объективной действительностью [6: с. 197].

Раскрывая гносеологические взгляды Лифшица, стоит упомянуть и о его «кривизне реальности». Суть этого явления заключается в том, что истина постигается человеком не только вопреки, но и благодаря заблуждению, причем не такому, которое является обыкновенной ошибкой, а такому, которое

³ В противоположность внешнему, традиционному пониманию прогресса.

провоцирует появление истины. Так, открытое христианством равенство всех людей, восходящее к Богу, привело к открытию справедливости между людьми, объективно существующей в мире. Арсланов считает «объективную кривизну реальности» не менее значимым открытием, чем открытие кривизны пространства-времени [1: с. 302].

Говоря об онтогносеологии, необходимо затронуть и еще один ее аспект — теорию отражения, которая раскрывает определенные отношения конечного человека и бесконечной природы. Эти отношения находят свое выражение в человеческом творчестве и познании. Лифшиц не принимает идею о том, что в творчестве человек раскрывает только свои субъективные реалии. Напротив, творчество человека в том, что он отражает в нем реалии бесконечного мира. То же и в гносеологии: в познании человека «истиной является не самовыражение субъекта, а голос бытия, выражая который субъект становится истинным, т. е. способным свободно мыслить и тонко чувствовать». Более того, «бесконечная природа создает точки актуальной бесконечности в реальности вне человека, и только опираясь на эти точки, сознание может что-либо отражать» [1: с. 282, 296]. В основе названия теории отражения лежит метафора зеркальности, которая, как считает Науменко, вместо того, чтобы раскрывать суть проблемы, заслоняет ее. Отражение зеркала предполагает отталкивания луча от его поверхности, зеркало создает иллюзорное содержание — содержание, которое появляется только благодаря глазу человека и которого в самом зеркале нет. А ведь теория Лифшица, наоборот, пытается объяснить, как объективное мира становится субъективным достоянием человека, причем подобие между миром и человеком возникает не как подобие субъективного образа конечной вещи, а как подобие конечного бесконечному [7: с. 146–147, 167].

В рамках теории отражения Лифшиц рассматривает вопрос о сущности человеческого сознания. Он различает сознание вещей и сознание личности. Сознание вещей возникает, когда материальный мир отражается в отдельных вещах, оно выступает как «сознание общего смысла простейших определенностей», когда «вещи и явления насыщаются общим смыслом». Это невысокий уровень отражения материи. Оно предшествует личностному сознанию. Последнее возникает тогда, когда материя достигает ступени организма (индивидуальности) и выражается в самосознании, когда явления мира не просто воздействуют на организм, но и начинают что-то для него значить. Т. е. процесс сознания — это осознание человеком мира, который в нем себя отражает. Причем, сначала мир отражается в наших органах чувств, а затем это отражение наше сознание отражает в форме представлений о мире. Сущность сознания в том, — пишет Лифшиц, — «что оно прозрачно, как стекло, его нет как среды, оно подобно значащему целому». Иначе говоря, сознание — это форма существования объективного мира на уровне смысла, совокупность значений. Это высокий уровень отражения материи [6: с. 221–227].

Разумеется, пишет Арсланов, философия Лифшица не содержит всех ответов на все вопросы. Но это обусловлено не только тем, что Лифшиц приступил

к оформлению своих онтогносеологических взглядов уже в конце своей жизни, но и тем, и прежде всего тем, что философия — тоже осознанное бытие (когда природа осознаёт себя через человека), а бытие современного мира еще не достигло своей высшей истинной ступени. Поэтому философия Лифшица предстает перед нами пока еще как «предтеча будущих открытий» [2: с. 309].

Таким образом, мы видим, что Лифшица как философа наравне с проблемами эстетики и литературы занимали и глубоко онтологические вопросы, причем такие вопросы, за основательное решение которых возьмется не каждый материалист. Это особенно касается проблемы идеального и сознания человека, в которых для современного материалиста необходимо не только обосновать вторичность этих явлений по отношению к материи, но и сохранить за ними их индивидуальность. Здесь Лифшиц как бы продолжает смелые поиски Ильенкова. Тот наделяет идеальное статусом объективного явления, и Лифшиц, принимая эстафету, защищает этот статус, но закрепляя за ним право быть не только социальным образованием, но и онтологическим. Ильенков в «Космологии духа» не боится решать проблему о предназначении человека и его рациональных способностях, и Лифшиц берется за конкретную разработку сущности сознания с его неповторимой человеческой спецификой. Философы не игнорируют трудности, которые возникают при соотношении всеобъемлющей материи и человека, который с большим потенциалом своего разума ей как бы противопоставляется, а пытаются их разрешить в контексте материалистического мировоззрения.

Примечательно, что идеи Лифшица даже в форме отрывочного архивного материала позволяют наблюдать разносторонность его онтологических поисков и стремление искать конкретные решения на поставленные задачи. Его диалектика и теория отражения с вытекающими из них суждениями о мире, человеке и его познании, прекрасно это демонстрируют. Остаётся только предполагать, какой идейный толчок способна была бы дать онтогносеология Лифшица, если бы она была им сведена в полноценную систему. Однако такой системы нет, и раскрытие её истинного потенциала, как в прочем и потенциала идей, касающихся проблемы идеального, становятся предметом будущих исследований уже потомков советского философа.

Литература

1. Арсланов В.Г., Лифшиц М.А. Онтогносеология, смысл мира и «gottlosen Marxismus» / Под. ред. В.Г. Арсланова. М.: РОССПЭН, 2010. С.282–337.
2. Арсланов В.Г. Онтогносеология Мих. Лифшица и «советский марксизм» // Мареев С.Н., Мареева Е.В., Арсланов В.Г. Философия XX века (истоки и итоги): учеб. пособие. М.: Академический проект, 2001. 350 с.
3. Арсланов В.Г. К читателю этой книги // Мих. Лифшиц. Что такое классика? М.: Изд-во «Искусство. XXI век», 2004. 512 с.
4. Ильенков Э.В. Космология духа // Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. С. 415–437.
5. Лифшиц М.А. Диалог с Эвальдом Ильенковым (проблема идеального). М.: Прогресс-Традиция. 368 с.

6. *Лифшиц М.А.* Что такое классика? М.: Изд-во «Искусство XXI век», 2004. 512 с.
7. *Науменко Л.К., Лифшиц М.А.* Мифология живая и мертвая. М.: РОССПЭН, 2010. С. 78–173.

Literatura

1. *Arslanov V.G., Lifshicz M.A.* Ontognoseologiya, smy'sl mira i «gottlosen Marxismus» / Pod. red. V.G. Arslanova. M.: ROSSPE'N, 2010. S.282–337.
2. *Arslanov V.G.* Ontognoseologiya Mix. Lifshicza i «sovetskij marksizm» // Mareev S.N., Mareeva E.V., Arslanov V.G. *Filosofiya XX veka (istoki i itogi): ucheb. posobie.* M.: Akademicheskij proekt, 2001. 350 s.
3. *Arslanov V.G.* К читателю е'той книги // Mix. Lifshicz. *Что takoe klassika?* M.: Izd-vo «Iskusstvo. XXI vek», 2004. 512 s.
4. *Il'enkov E'.V.* Kosmologiya duxa // *Filosofiya i kul'tura.* M.: Politizdat, 1991. S. 415–437.
5. *Lifshicz M.A.* Dialog s E'val'dom Il'enkovy'm (problema ideal'nogo). M.: Progress-Tradicija. 368 s.
6. *Lifshicz M.A.* Что takoe klassika? M.: Izd-vo «Iskusstvo XXI vek», 2004. 512 s.
7. *Naumenko L.K., Lifshicz M.A.* Mifologiya zhivaya i mertvaya. M.: ROSSPE'N, 2010. S. 78–173.

O.N. Pobedinskaya

The Problem of the Ideal and Ontognoseology in M.A. Lifshitz's Philosophy

The article highlights the approach of the philosopher M.A. Lifshitz to solve the problem of the ideal and discloses his ontognoseological views.

Keywords: the ideal; ontognoseology; identity theory; the classics; theory of reflection; consciousness.